

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «КОНЦЕПТОЛОГИЯ» (ПОДСКАЗКА ЧИТАТЕЛЯ)

Ю.М. Батурин

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Аннотация: *Изучается понятие «концепт» как основа построения науки «концептология». Обсуждается вопрос структуре концепта, о языке его описания и возможности использования для этого математики. Концептология рассматривается как научное понимание политической реальности во взаимосвязи с социальной и природной реальностью. Разбираются характеристики пространств, связанных с указанными видами реальности, и особенности их сопряжения в структуре концепта. Анализируются причины неэффективности математического моделирования социальных процессов в эпоху 1970-х годов и шансы на успех современных исследователей. Делается вывод о возможности развития науки о политике до уровня, сопоставимого по своей строгости, ясности и точности прогноза с физикой или математикой.*

Ключевые слова: *концепт, концептология, политическая наука, ментальное пространство, p -адические числа, адель.*

Понятие «политическая концептология» сравнительно ново, его авторство принадлежит В.П. Макаренко. «Впервые идея политической концептологии (или политической метатеории) была высказана мною в 1995 г., – пишет он. – Политическая концептология – это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности» [Макаренко 2021: 8]. Концептология, безусловно, производна от понятия «концепт», более раннего, даже древнего. Существуют развитые теории концепта, отчасти дискуссионные [см., например: Ангелова 2004: 3–10; Воротников 2007: 47–52; Левина 2014: 106–108; Ляпин 1977: 11–35; Никитин 2014: 53–64; Степанов 2007]. В.П. Макаренко со ссылкой на статью С.С. Неретиной в философской энциклопедии [Неретина 2001] под концептом понимает «акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания» [Макаренко 2021: 13]. Его взгляды на «концепт» и «концептологию», конечно же, подверглись критическому обсуждению. Так, С.Г. Чукин, обращая внимание на то, что концептология, по замыслу В.П. Макаренко, «принципиально новая модель обобщенного знания, основу которой составляют знания, полученные в условиях строгости, точности, объективности и интеллектуальной честности»

[Чукин 2009: 317], тем не менее, *cum grano salis*¹ констатирует: «Создание науки о политике, сопоставимой по своей строгости, ясности и точности прогноза с физикой или математикой, можно сравнить с проектом "супружества как точной науки" из одноименного рассказа О. Генри. Желание иметь надежное теоретическое руководство, опираясь на которое можно было бы разобраться в хитросплетениях текущей политической и экономической жизни и выработать правильные решения, вполне понятно... История концептуализации социальной жизни демонстрирует тщетность попыток отыскать или сконструировать такие универсалии» [Чукин 2009: 303].

Следует признать, что основания для скепсиса имеются. Обратим внимание на фрагмент определения политической концептологии В.П. Макаренко, относящийся к политической реальности «...в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности». Природная реальность (физический мир), ее законы достаточно точно описываются на математическом языке. В физическом мире математика работает хорошо. Однако «умеренно удовлетворительная картина мира была достигнута высокой ценой: за счет удаления нас с картины и занятия позиции стороннего наблюдателя, – пишет Э. Шредингер (1887–1961) – великий физик, лауреат Нобелевской премии. – Материальный мир построен исключительно ценой изъятия из него себя, то есть разума, удаления его» [Шредингер 2000: 39–40]. Таким образом, естественнонаучная картина мира неполна, она не содержит чувств, ощущений, систематически и последовательно удаляемых из нее учеными-естественниками. И этот факт, часто не замечаемый, оказывается слабостью и причиной неадекватности многих математических моделей политических процессов. Все же замечание о «тщетности попыток», судя по контексту, относится к социальной (главным образом, политической) жизни. Вспомним научную моду 1970-х годов, когда не только отдельные исследователи, но и целые коллективы бросились создавать математические модели политических, международных, социальных процессов. В те времена в Советском Союзе лучшим обоснованием такого подхода считалась ссылка на классика: как сообщил в своих воспоминаниях Поль Лафарг, Карл Маркс считал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой» [Воспоминания о Марксе и Энгельсе... 1956: 66]. На самом деле, это всего лишь парафраз из Иммануила Канта: «Я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» [Кант 1966: 57]. (Заметим, что Кант говорит о естественных науках, а в пересказе Маркса мысль Канта оказалась распространенной на все науки, что некорректно). Впрочем, мода моделирования пришла с Запада без какой-либо связи с Кантом и Марксом. Мотивация была несколько иная: «Политика, имеющая дело с проблемами фантастической сложности, нуждается в едином языке... Существует потребность в последовательной и универсальной логике и точных методах для оценки влияния той или иной политики на достижение поставленных целей» [Саати 1977: 12]. Действительно, жила в те времена такая иллюзия. Считалось, что рациональный анализ реалистичен и продуктивен, он использует многие существующие методы логического рассуждения, в том числе расчеты и математические модели, и обеспечивает максимально надежные оценки и прогнозы в отношении вероятных будущих событий давая возможность контролировать в некоторой степени политическую реальность. Иными словами, формальные методы теории рациональных решений, такие как математическая теория игр, наиболее близки по своей сути дедуктивным дисциплинам (логике и математике), а также прикладным точным наукам (например механике и исследованию операций) [Rapoport 1964].

Автор сих строк и сам отдал должное моде и несколько занимался математическим моделированием международных отношений, пока не пришел к выводу о бесполезности этого дела. Создание математических моделей применительно к социальной материи – ближе к гаданию, чем к научному поиску реальных решений. В самом деле, любые специалисты обыч-

¹ С крупинкой соли (*лат.*) – иронически, критически.

но используют тот математический аппарат, которым они владеют. Проводят простые аналогии и начинают выбирать сценарий на уровне этих аналогий. Иногда такие предсказания оправдываются, но, скорее, как удача, а не как закономерный успех. Ведь использовавшийся математический аппарат был разработан под совершенно другие задачи. Для того, чтобы решать социальные (политические) проблемы столь высокой степени сложности, необходима иная математика. Если мы решили, например, моделировать общество на основе математического аппарата теории множеств, то нужно создать такую математику, где каждый элемент множества обладает собственной волей, целями, своими представлениями о других элементах и о том, кто он такой есть и что собирается делать. Такая математика непременно появится, и можно будет вернуться к опыту 1970-х годов с новыми инструментами. Попытки ее создания, конечно, были. Наверное, я удивлю многих молодых исследователей, упомянув, что тогда же, полвека назад, в 1973 году В.А. Лефевр написал работу «Психографика. Знаки страстей в математических структурах» [Лефевр 2003: 311–371], в которой предложил знаковую систему, основанную на «графических гештальтах», напоминающих всем сегодня известные смайлики, для представления внутреннего мира человека. Смайлик в определенной степени можно считать элементом множества, о котором говорилось выше – со своими чувствами, переживаниями, мыслями и волей. В.А. Лефевр не исключал возможности построения в будущем психографической теории, но предупреждал, что для этого «мы должны отказаться от многих догматов естественно-научного подхода» [Лефевр 2003: 371]. «Чувственной математики» тогда не получилось, но зато этой идеей сегодня пользуется вся молодежь, да и не только, используя в переписке смайлики из богатого набора, имеющегося в каждом телефоне. Иногда даже все сообщение полностью передается смайликами. Следовательно, математическое моделирование международных отношений и» других социальных феноменов – было и пока остается игрой ума. Оно полезно для их более глубокого понимания. Оно дает результаты в простых ситуациях, как, например, когда речь идет о сокращении вооружений. Такие модели имеют дело с ресурсами, с их обменом и тратой. Они способны помогать, потому что достаточно точны. Но основывать на них принятие политических решений было бы неверно. Такова задача, которую я решал на рубеже 1970-х – 1980-х годов и не справился с ней [Батулин 1979: 7; Батулин 1980: 155–164; Батулин 1981: 103–110].

Таким образом, тонкая ирония С.Г. Чукина вполне убедительна. «Точная наука супружества» пока не состоялась. Но не будем забывать, что длительный период неудач отнюдь не доказывает, что успех невозможен в принципе. Человек тысячи лет бросал в небо камень, но однажды, 4 октября 1957 года, камень не вернулся обратно, и появился первый искусственный спутник Земли. Да, и тот факт, что понятие «концепт» пришло в политическую науку из математической логики, подсказывает, что где-то в глубине концепта мерцает его «математическая душа». Но С.Г. Чукин не только подшучивает над политической концептологией В.П. Макаренко, но и ставит вполне здравый вопрос: «Принципиальным, на наш взгляд, является вопрос об архитектонике концепта, то есть, о том, как обеспечивается его целостность как единицы сознания и знания» [Чукин 2009: 307]. Займемся архитектоникой концепта.

И вновь обратимся к тому же важному фрагменту определения политической концептологии В.П. Макаренко о взаимосвязи «со всеми сферами социальной и природной реальности». Заметим, что обе реальности не являются независимыми. Выдающийся физик, и тоже Нобелевский лауреат Макс Борн (1882–1970) подчеркивал: «Мы, люди являемся частью природы и подчинены ее законам» [Борн 2004: 74]. Понятно, что важной составной частью концепта является рациональный блок – по возможности, полное описание Природы в физически содержательных терминах на языке математики. Его задача – свести множество имеющихся данных (иногда хаотических и даже противоречивых) к немногим фундаментальным положениям и принципам, в которых отражается существо изучаемой части природной реальности, при выполнении основных законов физики (в первую очередь, законов сохранения) и понимании границы применимости предлагаемого описания.

Если есть блок рациональный, то логично предположить, что должен быть и блок не рациональный. Понятие «не рациональный» может означать либо «нерациональный» (неразумный, нецелесообразный, непрактичный, нелогичный), либо «по своей сути не рациональный» (например, иррациональный в строгом математическом смысле). В самом деле, концепт – не только набор знаний и представлений, но также ассоциаций и переживаний, сопровождающих термин: «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов 1997: 41–42]. Структура концепта, в представлениях разных ученых, меняется, но есть инвариант, общее: он представляет собой мыслительную, ненаблюдаемую категорию, объект идеального, духовного мира, среди прочего отражающий представления человека о физическом мире. Как точно сформулировал В.П. Макаренко: «Концепт есть продукт возвышенного ума (духа)» [Макаренко 2021: 13]. Обобщая, скажем, что концепт – единица мышления, мыслительный образ, ментальное образование, объект в ментальном пространстве, отсылающий к смыслам и высшим духовным ценностям как рациональным путем, так и нерациональным образом. О последнем Павел Флоренский заметил: «сверх-рассудочный синтез... не есть нечто вовсе невиданное и неожиданное в науке. Он осуществляется очень часто, например в построении, так называемых, иррациональных чисел» [Флоренский 2017: 503]. Рациональные и нерациональные процессы осуществляются в разных «мирах», математически говоря, в разных пространствах, и в этом трудность их сопряжения.

Все точки физического (вещественного) пространства – однородны (равноправны), а духовное пространство, напротив, неоднородно, потому что мысли, идеи, чувства, эмоции неравноправны, их невозможно заменить одну на другую. Физическое евклидово пространство, в котором работают законы природы, а также по неполноте и неточно понятым законам осуществляется политика, непрерывно. Иницилирующие же политические события самых разных масштабов – от глобальных до личных – мысли, идеи, чувства эмоции прерывны, скачкообразны. Все физические измерения в первом из пространств возможны только рациональными числами. Измерение тем точнее (насколько позволяет градуировка измерительного прибора), чем с большим количеством знаков после запятой получается результат измерения. Но измерения, результат которых записывается с бесконечным количеством знаков после запятой (т.е. выражается иррациональным числом) невыполнимы. И тем не менее, допустимы измерения аналогов иррациональных чисел в принципиально иных (неевклидовых) ментальных, чувственных p -адических пространствах (разрывных, скачкообразных, ассоциативных), характеризуемых системой введенных немецким математиком Куртом Гензелем в 1897 году p -адических чисел (p – от немецкого слова Primzahl, означающего простое число). Системе p -адических чисел соответствует древовидная структура: они похожи на ветви и веточки дерева, растущего из некоторой точки числовой оси, причем их настолько много, что для любой точки (в том числе и выражаемой иррациональным числом) на оси можно найти соответствующую величину на вырастающем дереве. Математик А.М. Островский, ученик К. Гензеля, в 1916 году доказал знаменитую теорему: существуют два и только два естественных континуума – однородный вещественный и неоднородный, иерархический p -адический (иначе говоря, рациональные числа можно пополнить до непрерывного множества только двумя способами – либо, добавляя рациональные, через действительные числа, либо через p -адические). Необычная абстрактная конструкция, изобретенная К. Гензелем, и теорема, доказанная А.М. Островским, нашли применение в квантовой физике только в 1980-х годах, а для моделирования ментального и духовного пространств – совсем недавно, на рубеже XX и XXI веков [Хренников 2004: 12–15].

Сопрягаются ли духовный мир человека и физический мир Природы в нашем концепте? Существует ли универсальный язык их описания? Ответы на эти вопросы положительны. В каком природном континууме непротиворечивым образом физический и духовный миры сочетаемы и окажутся объединены? Целостное описание концепта можно выполнить в адекватных пространствах, построенных уже не на p -адике, а на абстрактной конструкции чисел, на-

званных математиками красивым именем «адель» [Хренников 2004: 13]. Для этого требуется заменить p -адическую древовидную систему координат (p -адического пространства) для фиксированного p , на адельную систему координат. Адельные числа были введены в математику на рубеже 1930–1940 годов французским математиком Клодом Шевалле. Суть адели в том, что она содержит в себе и вещественную, и все p -адические координаты. Благодаря такой конструкции концепта, естественным образом объединяющей вещественную и p -адическую компоненты, он демонстрирует свойства физического и духовного пространств одновременно. Математик Ю.И. Манин уверен: «На фундаментальном уровне наш мир не является ни вещественным, ни p -адическим: он адельный» [Манин 2008: 214]. Уместно вспомнить, тонкое замечание М. Борна: «Даже такая точная наука, как физика, была вынуждена использовать взаимно дополняющие (комплементарные) описания, которые дают верный образ мира только в том случае, если они сочетаются» [Борн 2004: 74]. Столь же комплементарны и блоки (рациональный и иррациональный) искомого концепта.

Одну более раннюю свою работу по политической концептологии В.П. Макаренко завершил так: «Аналитический подход к политической теории позволяет уточнить ее основные понятия и дать строгую систематизацию возникающих проблем. Следующий этап – эмпирическая проверка всех сформулированных положений... Для этого надо пересмотреть существующие концепции и практику прикладной политологии... Подожду подсказки читателей...» [Макаренко 2005: 340].

Что ж, позволю себе подсказку: математика для пространства мышления и духовных объектов найдена. Это уже позволяет строить концепты, естественным образом объединяющие понятия физического мира (природной реальности) с объектами ментального и духовного мира человека. Следовательно, «создание науки о политике, сопоставимой по своей строгости, ясности и точности прогноза с физикой или математикой» [Чукин 2009: 303] возможно.

* * *

И в заключение: никогда не говори никогда!

Ирония развития науки в целом и формирования политического концепта в том, что сильная метафора «точной науки супружества» с недоверчивыми коннотациями стала частью концепта политической науки в 2009 году, а на пять лет ранее были опубликованы многопараметрическая (физический, психологический, информационный параметры и возраст) p -адическая модель женитьбы и 2-адическая модель выбора мужа при нелинейной женской психологии [Хренников 2004: 53–54]. Пусть супружество пока еще и не стало точной наукой, но уже на пути к ней.

Ангелова М.М. 2004. «Концепт» в современной лингвокультурологии. – *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов*. – Вып. 3. – М. – С. 3–10.

Батурин Ю.М. 1979. О формальных методах исследований международных отношений. – *IV научная конференция молодых ученых и специалистов МФТИ*. – М. – С. 7.

Батурин Ю.М. 1980. Моделирование переговоров и принцип инвариантности. – *Системный анализ и количественные методы в исследовании внешнеэкономических связей*. – М. МГИМО. – С. 155–164.

Батурин Ю.М. 1981. Проблемы моделирования международных отношений. – *Социологические исследования*. – № 1. – С. 103–110.

Борн М. 2004. *Моя жизнь и взгляды*. – М.: Едиториал УРСС. – 163 с.

Воротников Ю.Л. 2007. Врожденные концепты, семантические кварки и смыслы. – *Филологические науки*. – № 3. – С. 47–52.

- Лафарг П. 1956. *Воспоминания о Марксе и Энгельсе*. – М.: Политиздат. – 424 с.
- Кант И. 1966. *Метафизические начала естествознания (1786)*. – Кант И. *Соч. в шести томах*. – М.: «Мысль». – (Философ. наследие). – Том 6. – 742 с.
- Левина М.А. 2014. Термин, понятие, концепт. – *Приволжский научный вестник*. – № 6 (34). – С. 106–108.
- Лефевр В.А. 2003. *Рефлексия*. – М.: Когито-Центр. – 496 с.
- Ляпин С.Х. 1977. Концептология: к становлению подхода. – *Концепты. Научные труды Центрконцепта*. – Вып. 1. – Архангельск, С. 11–35.
- Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. – М.: Праксис. – 368 с.
- Макаренко В.П. 2021. *Собр. соч. В пяти томах. Том 4. Политическая концептология*. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 657 с.
- Манин Ю.И. 2008. *Математика как метафора*. – М.: МЦНМО. – 400 с.
- Неретина С.С. 2001. Концепт. – *Новая философская энциклопедия в 4-х томах*. – Т. 2. – М.: Мысль. – 638 с.
- Никитин М.В. 2014. Развернутые тезисы о концепте. – *Вопросы когнитивной лингвистики*. – № 1. – С. 53–64.
- Саати Т.Л. 1977. *Математические модели конфликтных ситуаций*. Пер. с англ. – М.: «Советское радио». – 304 с.
- Степанов Ю.С. 1997. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. – М.: Школа «Языки русской культуры».
- Степанов Ю.С. 2007. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. – М.: Языки славянских культур. – 248 с.
- Флоренский П. 2017. *Столы и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах*. – М.: Академический проект. – 906 с.
- Хренников А.Ю. 2004. *Моделирование процессов мышления в р-адических системах координат*. – М.: Физматлит. – 296 с.
- Чукин С.Г. 2009. Размышления над книгой В.П. Макаренко «Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии». – *Политическая концептология. Журнал меадисциплинарных исследований*. – № 2. – С. 303–318.
- Шредингер Э. 2000. *Разум и материя*. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». – 96 с.
- Rapoport A. 1964. *Strategy and Conscience*. – N.Y., London: Harper and Row Publishers. – 323 p.